Дата поступления рукописи в редакцию: 16.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-489-494

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
ORCID -0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РОССИИ

Аннотация. *В статье исследуется эволюция правового регулирования института смертной казни в России от древнерусских правовых памятников до современного конституционно-правового режима. Показывается, что смертная казнь в отечественной истории никогда не была лишь разновидностью наказания: на разных этапах она выступала также символом верховной власти, инструментом охраны государственного строя, средством устрашения, а в кризисные периоды — механизмом чрезвычайной репрессии. Прослеживается переход от ограниченного и казуистического упоминания высшей меры в раннесредневековых источниках к широкому применению в законодательстве Московского государства, затем — к кодифицированному регулированию в имперский период, его политизации в советскую эпоху и последующему нормативному сужению в постсоветской России. Особое внимание уделяется соотношению уголовно-правовых и конституционных начал: статье 20 Конституции Российской Федерации, статье 59 Уголовного кодекса Российской Федерации, постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П и Определению от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р. Делается вывод, что история смертной казни в России отражает общую траекторию отечественного уголовного права: от сословно-полицейской и чрезвычайной репрессивности к модели, в которой приоритет получает право на жизнь и конституционные гарантии личности.*

Ключевые слова: *смертная казнь, история уголовного права России, Русская Правда, Соборное уложение 1649 года, Артикул воинский, Уложение о наказаниях 1845 года, советское уголовное право, Конституционный Суд РФ, мораторий, право на жизнь.*

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
senior researcher of the PKU,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

HISTORICAL LEGAL REGULATION OF THE DEATH PENALTY IN RUSSIA

Annotation. *This article examines the evolution of legal regulation of the death penalty in Russia, from ancient Russian legal documents to the modern constitutional and legal regime. It demonstrates that the death penalty in Russian history has never been merely a form of punishment: at various stages, it has also served as a symbol of supreme power, an instrument for protecting the state system, a means of intimidation, and, in times of crisis, as a mechanism of extreme repression. The article traces the transition from limited and casuistic references to capital punishment in early medieval sources to its widespread use in the legislation of the Muscovite state, then to codified regulation in the imperial period, its politicization in the Soviet era, and subsequent regulatory narrowing in post-Soviet Russia. Particular attention is paid to the relationship between criminal law and constitutional principles: Article 20 of the Constitution of the Russian Federation, Article 59 of the Criminal Code of the Russian Federation, Resolution No. 3-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 2, 1999, and Determination No. 1344-O-R of November 19, 2009. It is concluded that the history of the death penalty in Russia reflects the general trajectory of domestic criminal law: from a class-based, police-based, and extremely repressive model to a model that prioritizes the right to life and constitutional guarantees of the individual.*

Key words: *death penalty, history of Russian criminal law, Russkaya Pravda, Sobornoye Ulozhenie of 1649, Military Article, Penal Code of 1845, Soviet criminal law, Constitutional Court of the Russian Federation, moratorium, right to life.*

Введение

Институт смертной казни занимает в истории российского права особое место, поскольку через него наиболее отчетливо проявляется отношение государства к пределам уголовной репрессии, ценности человеческой жизни и допустимости исключительных мер принуждения. История смертной казни в России — это не только история одного вида наказания, но и история изменения самой логики публичной власти: от мести и устрашения к юридической формализации, от полицейско-сословной охраны порядка к конституционной проблематике права на жизнь.

Для историко-правового анализа существенно различать фактическое применение смертной казни и ее нормативное оформление. В одни эпохи высшая мера достаточно редко закреплялась в тексте закона, но широко использовалась в практике чрезвычайной власти; в другие — напротив, оставалась в законе как символ суверенной карательной компетенции, хотя ее реальное применение ограничивалось. Поэтому исследование должно охватывать не только уголовные кодексы и древние памятники права, но и политико-правовой контекст, в котором формировались основания, пределы и процедуры назначения смертной казни.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении основных этапов исторического правового регулирования института смертной казни в России и определении закономерностей его трансформации. Для достижения этой цели необходимо: проследить генезис высшей меры наказания в древнерусском и московском праве; показать особенности ее кодифицированного оформления в имперский период; раскрыть специфику советской модели, сочетавшей нормативное ограничение и чрезвычайную репрессию; определить современный конституционно-правовой статус смертной казни в Российской Федерации.

1. Ранние формы нормативного закрепления смертной казни

В древнерусских источниках вопрос о смертной казни решался существенно иначе, чем в позднейшем централизованном государстве. Русская Правда в ее основных редакциях ориентировалась прежде всего на композиции, денежные взыскания и иные формы возмещения, а не на систематическое применение смертной казни. Это обстоятельство традиционно рассматривается в литературе как показатель сравнительно раннего этапа публичной карательной власти, когда уголовное преследование еще не было полностью монополизировано государством. [1]

Вместе с тем отсутствие развернутой системы смертных казней в Русской Правде не означает их полного отсутствия в реальной практике. Историки права справедливо отмечали, что в раннефеодальном обществе казнь могла применяться по обычаям, княжеской воле, в условиях военной необходимости или в отношении деяний, рассматривавшихся как угроза миру и власти, но далеко не всегда получала исчерпывающее текстуальное закрепление в сохранившихся правовых памятниках. [2]

Более отчетливое движение к государственному использованию смертной казни заметно в памятниках северо-западной Руси и особенно в законодательстве периода формирования централизованного Московского государства. Псковская судная грамота и затем Судебник 1497 года связывали высшую меру уже не только с местью за причиненный вред, но и с охраной публичного порядка, собственности и государственной устойчивости. Именно на этом этапе смертная казнь начинает выступать как инструмент подавления наиболее опасных посягательств, включая измену, поджог и квалифицированные формы татьбы. [3]

Судебник 1550 года продолжил данную тенденцию. Для него характерно не просто сохранение отдельных оснований смертной казни, а укрепление представления о государстве как центральном носителе карательной власти. Чем сильнее становилась централизованная администрация, тем заметнее высшая мера переходила из сферы исключительного возмездия в сферу публичного устрашения. В этом смысле раннее московское право уже предвосхищало последующую логику абсолютистского законодательства.

2. Московское государство и Российская империя: от широкой репрессии к кодифицированной исключительности

Качественный перелом в регулировании смертной казни связан с Соборным уложением 1649 года. Этот акт не просто перечислял отдельные случаи высшей меры, а формировал широкую репрессивную систему, в которой смертная казнь использовалась для охраны религии, государя, порядка управления, военной дисциплины, собственности и семейно-нравственных установлений. Масштаб распространения высшей меры в Уложении показывает, что она стала не эпизодическим, а системообразующим элементом карательной политики Московского государства. [4]

С юридико-технической точки зрения Соборное уложение демонстрирует важную особенность: смертная казнь закрепляется не как абстрактная исключительная мера, а как обыч-

ный, хотя и предельный, инструмент защиты политико-религиозного строя. В логике допетровского права вопрос стоял не о гуманизации наказания, а о сохранении порядка, понимаемого как единство веры, царской власти и сословной иерархии. Поэтому высокий удельный вес смертных казней отражал прежде всего модель государства, а не только уровень преступности.

В петровскую эпоху репрессивный потенциал высшей меры получил дальнейшее развитие. Артикул воинский 1715 года содержал значительное число составов, предусматривавших смертную казнь, и распространял ее логику на сферу военной службы, дисциплины и государственной безопасности. При этом для петровского законодательства характерно соединение европейской юридической техники с максималистским пониманием государственных интересов: смертная казнь выступала средством форсированного преобразования общества и поддержания воинско-бюрократического порядка. [5]

Однако уже во второй половине XVIII века в российской правовой мысли усиливаются ограничительные тенденции. Наказ Екатерины II, создававшийся под влиянием идей европейского Просвещения и, в частности, сочинения Чезаре Беккариа, исходил из того, что чрезмерная жестокость наказаний не является наилучшим средством предупреждения преступлений. Хотя полная и последовательная отмена высшей меры в империи не состоялась, сам факт включения в официальный государственный дискурс аргументов против смертной казни имел принципиальное значение. [6]

В XIX веке регулирование смертной казни приобретает более системный и юридически упорядоченный характер. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года закрепляло высшую меру значительно уже, чем допетровские памятники, связывая ее преимущественно с государственными и некоторыми особо тяжкими преступлениями. Здесь особенно заметен переход от казуистической множественности к кодифицированной иерархии наказаний, в которой смертная казнь сохраняется как вершина репрессивной шкалы, но уже не поглощает значительные массивы уголовно наказуемого поведения. [7]

Уголовное уложение 1903 года продолжило линию на сужение сферы смертной казни и ее превращение в действительно исключительную меру. На рубеже XIX–XX веков российское уголовное право уже воспринимало высшую меру не как универсальное средство охраны порядка, а как наказание, требующее специальных материальных и процессуальных оснований. Вместе с тем революционные потрясения начала XX века показали, насколько легко в условиях политического кризиса кодифицированные ограничения уступают место чрезвычайной репрессии. [8]

3. Советский период: между чрезвычайностью и нормативным ограничением

После 1917 года институт смертной казни приобрел качественно новое значение. Революция и Гражданская война породили правовую среду, в которой высшая мера стала не только уголовным наказанием, но и инструментом революционной защиты нового строя. Нормативные акты о революционных трибуналах, декреты периода красного террора и Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года демонстрируют тесное переплетение уголовно-правовых, политических и чрезвычайных начал. [9]

Советская доктрина нередко описывала смертную казнь как временную, исключительную меру, применяемую до окончательного укрепления социалистического порядка. Однако реальная история показывает, что временный характер неоднократно провозглашался и столь же неоднократно отступал перед политическими задачами государства. Уже Уголовный кодекс РСФСР 1922 года включал расстрел в систему наказаний как высшую меру социальной защиты по наиболее опасным деяниям. [10]

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года сохранил данную конструкцию. Для советского права этого периода характерна особая терминология социальной защиты и классовой опасности, в рамках которой смертная казнь могла обосновываться не только тяжестью конкретного деяния, но и политико-идеологической характеристикой виновного. Поэтому правовое регулирование высшей меры в СССР нельзя оценивать вне контекста расширительных полномочий государства и ослабления классических гарантий уголовной законности. [11]

В послевоенный период советская власть предприняла показательный шаг: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года смертная казнь была отменена в мирное время и заменена длительным лишением свободы. Сам по себе этот акт нередко рассматривается как важный гуманизационный жест, однако уже в 1950 году высшая мера была восстановлена по делам об измене, шпионаже и диверсиях, а в 1954 году — по делам об умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах. Это свидетельствует о нестабильности ограничительных решений, когда государство сохраняет за собой возможность быстрого возврата к предельной репрессии. [12; 13; 14]

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года закрепил смертную казнь как исключительную меру

наказания за строго определенный круг особо тяжких преступлений. Формально законодательная конструкция стала более определенной, а число составов — уже, чем в раннесоветские десятилетия. Но даже в этой модели высшая мера продолжала выполнять не только карательную, но и символико-политическую функцию: она подтверждала предел суверенной силы государства и демонстрировала готовность власти отвечать на наиболее опасные деяния абсолютным наказанием. [15]

4. Постсоветская Россия: конституционное ограничение и нормативный остаток

Новый этап регулирования института смертной казни начался с принятием Конституции Российской Федерации 1993 года. Часть 2 статьи 20 допустила существование смертной казни впредь до ее отмены как исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни, при обязательном предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. Тем самым конституционный текст одновременно признал высшую меру и заложил механизм ее постепенного вытеснения из правовой системы. [16]

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года сохранил смертную казнь в статье 59, но существенно сузил ее сферу по сравнению с прежними эпохами. Законодатель связал высшую меру только с особо тяжкими преступлениями, посягающими на жизнь, и предусмотрел запрет ее назначения женщинам, несовершеннолетним и мужчинам, достигшим к моменту вынесения приговора шестидесятипятилетнего возраста. Таким образом, постсоветское уголовное право формально сохраняло институт смертной казни, но переводило его в режим максимально узкой и исключительной применимости.

Решающую роль в фактическом прекращении применения смертной казни сыграла конституционная юрисдикция. Постановлением от 2 февраля 1999 г. № 3-П Конституционный Суд Российской Федерации признал невозможным вынесение смертных приговоров до введения суда присяжных на всей территории страны. Впоследствии, когда этот организационный барьер должен был быть устранен, Конституционный Суд в Определении от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р указал, что в России сформировался устойчивый конституционно-правовой режим, исключающий назначение смертной казни и ориентированный на ее отмену. [17; 18]

В результате сложилась правовая конструкция, которую можно охарактеризовать как нормативный остаток при фактическом неприменении. Статья 59 УК РФ сохраняется в тексте закона, а глава 23 Уголовно-исполнительного кодекса формально регулирует исполнение смертной казни, однако конституционно-правовой смысл действующего регулирования исключает назначение и приведение в исполнение данного наказания. Эта ситуация представляет значительный теоретический интерес: высшая мера перестает быть действующим карательным инструментом, но остается индикатором незавершенности законодательной декриминализации самого института.

Современное значение исторического опыта состоит в том, что он показывает двойственную природу смертной казни в российском праве. С одной стороны, государство на протяжении веков рассматривало ее как предельное средство защиты суверенитета, порядка и безопасности. С другой стороны, именно развитие юридических гарантий, процессуальных стандартов и конституционного понимания права на жизнь постепенно сделало дальнейшее применение высшей меры несовместимым с базовыми принципами правового государства.

Заключение

История правового регулирования смертной казни в России демонстрирует движение от разрозненных и частично обычноправовых форм применения высшей меры к ее широкой институционализации в эпоху централизованного государства, затем — к кодифицированной исключительности и, наконец, к конституционно обусловленному вытеснению из действующей практики. На каждом этапе изменялись не только перечни преступлений, караемых смертью, но и сама правовая функция данного института.

Для московского и раннеимперского права смертная казнь была частью общего механизма поддержания политико-религиозного и сословного порядка. Для позднеимперского законодательства — крайней, но уже более формализованной мерой государственного принуждения. Для советского периода — одновременно уголовно-правовой санкцией и инструментом чрезвычайной политической мобилизации. Для современного российского права — юридически сохраняемым, но конституционно заблокированным институтом, существующим в режиме переходного правового остатка.

Тем самым историко-правовой анализ показывает: вопрос о смертной казни в России всегда был шире вопроса о наказании как таковом. Через него раскрываются фундаментальные характеристики государства, модели суверенитета, уровень ценности личности в праве и степень доверия законодателя к иным средствам уголовно-правового воздействия. Поэтому история смертной казни — это одновременно история границ публичной власти и история постепенного утверждения идеи приоритета права на жизнь.

Историческая перспектива позволяет также увидеть, что нормативное сужение сферы смертной казни не происходило в России линейно. Напротив, почти каждый этап относительной гуманизации сопровождался риском обратного движения в условиях войны, внутреннего кризиса или смены политического режима. Так было после просветительских дискуссий XVIII века, когда имперское законодательство сохранило высшую меру для государственных преступлений; так было и в советский период, когда декларации о временном и исключительном характере расстрела неоднократно уступали место расширению чрезвычайных полномочий. Эта историческая неустойчивость подтверждает, что для реального отказа от смертной казни недостаточно одной уголовно-правовой формулы: необходимы устойчивые институциональные гарантии, судебная независимость и конституционный консенсус относительно абсолютной ценности человеческой жизни.

С теоретической точки зрения институт смертной казни особенно наглядно демонстрирует различие между формальной действительностью нормы и ее конституционно-правовым смыслом. Российский опыт конца XX — начала XXI века уникален тем, что высшая мера еще сохраняется в тексте уголовного закона, но уже утратила характер реально применимого наказания. Это означает, что современное состояние института определяется не только диспозицией статьи 59 УК РФ, но и совокупностью конституционных положений, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, международно-правовых ориентиров и сложившихся гарантий права на жизнь. В таком контексте история смертной казни завершает эволюцию от карательного символа суверена к проблеме конституционных пределов государственной власти.

Практическое значение данного вывода состоит в том, что дальнейшее обсуждение судьбы смертной казни в российском праве не может быть сведено к аргументам об эффективности устрашения или общественном запросе на более жесткое наказание. Исторический материал убеждает в обратном: периоды усиления высшей меры чаще совпадали не с юридической рациональностью, а с расширением чрезвычайного начала, дефицитом процессуальных гарантий и преобладанием политической целесообразности над правом. Поэтому для современного законодателя важен не возврат к прежним моделям, а окончательное нормативное разрешение сложившегося противоречия между сохраняющимся текстом уголовного закона и фактическим конституционным неприменением смертной казни.

Список литературы:

[1] Русская Правда // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984. 430 с.

[2] Исаев И. А. История государства и права России: учебник. 4-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 799 с.

[3] Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1985; Судебник 1550 г. // Там же.

[4] Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1986. 78 с.

[5] Артикул воинский 1715 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1986. 255 с.

[6] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2010; Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1767 г. 182 с.

[7] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.; Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 2. СПб., 1902. 966 с.

[8] Уголовное уложение 1903 г. СПб.: Государственная типография, 1903. CLXXII, 340 с.

[9] Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. Постановление НКЮ РСФСР от 12 декабря 1919 г.; Декреты о суде и революционных трибуналах 1917–1918 гг.

[10] Уголовный кодекс РСФСР 1922 года. « Собрание узаконений РСФСР «, 1922, N 15, ст. 153.

[11] Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года. «Собрание узаконений РСФСР», 1926, №80, ст. 600.

[12] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни». Ведомости Верховного Совета СССР. 1947 г. № 17.

[13] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 г. «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам». Ведомости Верховного Совета СССР. 1960 г. № 3.

[14] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1954 г. «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство». «Ведомости Верховного Совета СССР» 1954 г. № 11.

[15] Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

[16] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[17] Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 6. Ст. 867.

[18] Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 1.

References:

[1] Russkaya Pravda // Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes / edited by O. I. Chistyakov. Volume 1: Legislation of Ancient Rus'. Moscow: Legal Literature, 1984. 430 pages.

[2] Isaev, I. A. History of the State and Law of Russia: textbook. 4th ed. Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. 799 pages.

[3] Sudebnik of 1497 // Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes / edited by O. I. Chistyakov. Volume 2. Moscow: Legal Literature, 1985; Sudebnik of 1550 // Ibid.

[4] Cathedral Code of 1649 // Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes / edited by O. I. Chistyakov. Vol. 4. Moscow: Legal Literature, 1986. 78 p.

[5] Military Article of 1715 // Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes / edited by O. I. Chistyakov. Vol. 4. Moscow: Legal Literature, 1986. 255 p.

[6] Beccaria C. On Crimes and Punishments. Moscow: INFRA-M, 2010; Instruction of Catherine II to the Commission on drafting a new Code of 1767. 182 p.

[7] Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845; Tagantsev N. S. Russian Criminal Law. General Part. Vol. 2. St. Petersburg, 1902. 966 p.

[8] Criminal Code of 1903. St. Petersburg: State Printing House, 1903. CLXXII, 340 p.

[9] Guidelines for Criminal Law of the RSFSR. Resolution of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR of December 12, 1919; Decrees on the Court and Revolutionary Tribunals of 1917–1918.

[10] Criminal Code of the RSFSR of 1922. "Collection of Laws of the RSFSR", 1922, No. 15, Art. 153.

[11] Criminal Code of the RSFSR, 1926 edition. "Collection of Laws of the RSFSR", 1926, No. 80, Art. 600.

[12] Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of May 26, 1947, "On the Abolition of the Death Penalty." Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1947, No. 17.

[13] Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of January 12, 1950, "On the Application of the Death Penalty to Traitors to the Motherland, Spies, and Subversives-Saboteurs." Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1960, No. 3.

[14] Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of April 30, 1954, "On Strengthening Criminal Liability for Intentional Murder." "Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR", 1954, No. 11.

[15] Law of the RSFSR of October 27, 1960, "On Approval of the Criminal Code of the RSFSR" // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. No. 40. Art. 591.

[16] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25; Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

[17] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 2, 1999, No. 3-P // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 6. Article 867.

[18] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 19, 2009 No. 1344-O-R // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2010. No. 1.